

Обзоры. Рецензии

ПУТИ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЫЛИН, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ Ф. М. СЕЛИВАНОВЫМ К 25-летию со дня смерти ученого

Ф. М. Селиванов оставил научное наследие, которое еще долго будет вызывать споры и служить ориентиром для многих современных исследователей. Его труды¹ являются классическими для фольклористики и прочно вошли в стандартный учебный курс наряду с работами А. П. Скафтымова, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, В. П. Аникина.

О посмертных публикациях автора, еще долго издававшихся его соратниками и учениками, не принято оставлять рецензий и отзывов, но на них невозможно не обратить внимание. Они настолько фундаментальны по своему научному значению, что сохраняют актуальность даже сейчас, спустя 25 лет. Примером может служить вышедшая в 2009 г., спустя 19 лет после его кончины, монография «Поэтика былин в историко-филологическом освещении», которая отличается редкой для нашей науки смелостью – автор сумел поколебать веру в правоту высказываний В. Я. Проппа.

Данная монография Ф. М. Селиванова является одной из немногих работ в былиноведении, которые можно в полной мере назвать этапными. Более того, это единственное исследование, написанное, что называется, «без гнева и пристрастия». Автору удалось абстрагироваться от перманентного клинча, в котором находятся сторонники В. Я. Проппа и Б. А. Рыбакова, грамотно и тактично соединить историю и филологию, что представляет собой величайшую редкость. Эта работа не уступает по своему значению теоретическим изысканиям В. Я. Проппа и продолжает традиции исследования былин, заложенные П. Д. Уховым.

Монография Ф. М. Селиванова в представлении особо и не нуждается – это не первая работа автора и его нельзя назвать «непризнанным гением» фольклористики. Тем не менее, в свете многочисленных новейших публикаций (Л. Р. Прозорова [2], С. В. Горюнкова [1], М. С. Родионова [3], И. П. Черноусовой [7]), серьезно снизивших научную планку былиноведения, показать ее значение и особенности необходимо.

Первое, что отличает указанную работу от большинства появившихся в последние годы, – предельная научность. Автор не просто взял былинку и проанализировал ее, пытаясь примерить к тем или иным фактам, а педантично учел все известные варианты, указал их особенности, формульный и мотивный состав. Это позволяет сравнить его монографию по точности и глубине анализа с известной работой П. Д. Ухова [6], без учета которой ни одно исследование былин научным в принципе считаться не может.

Второе важное отличие монографии Ф. М. Селиванова – доступность. В отличие от многих современных трудов на данную тематику, она не перегружена наукообразной терминологией, написана понятным языком, позволяющим использовать ее не только филологам. Исследование опирается на хорошо представленные статистические данные, четкую и ясную терминологию, большой вклад в развитие которой внес сам автор. Для Ф. М. Селиванова характерно не только доскональное, комплексное знание материала, но, что бывает значительно реже, понимание традиций, культуры и особенностей бытования русского эпоса.

Третье важное отличие монографии Ф. М. Селиванова – комплексность. Он первым из отечественных былиноведов рассмотрел композицию былин не как аморфную совокупность формул, мотивов и сюжетов, творческого вклада сказителей, а в качестве системы элементов, реализующих закономерности построения произведений на разных уровнях.

Первая глава «вопросы композиции былин» содержит в целом обоснованную критику имеющейся историографии, а также анализ композиции на базе сюжетов «Вольга и Микула» и «молодость Чурилы». Если не вдаваться в детали, то главное, что сумел показать Ф. М. Селиванов, – это «плавающий» характер важнейших терминов, таких, как «композиция», «мотив», и предложил собственную трактовку данных понятий. Его точка зрения о необходимости изучения композиции в трех плоскостях-уровнях (формульный, сюжетно-мотивный, эстетический) открывает серьезную перспективу для дальнейших исследований.

¹ Библиографию работ Ф. М. Селиванова см.: [4. С. 421-426].

В рассматриваемой работе Ф. М. Селиванов поставил следующие вопросы:

1. «Была ли у художественной системы эпоса “жизнь”, в какой-то степени независимая от “мастерства” исполнителей, от осознанных изменений текстов?» – в значительной степени такой вопрос был решен еще П. Д. Уховым, проанализировавшим творчество «Щеголенка», но, по-видимому, этого было недостаточно.
2. «Какие процессы протекали в поэтике былин, в ее подразделениях, микросистемах?»
3. «Что в художественной системе былин было стабильно, что переменн?»
4. «Что поддерживало постоянные качества художественной системы эпоса?»
5. «Какова связь качеств и процессов, которые раскроются в ходе исследования, с устойчивостью (либо изменяемостью) идейно-содержательной сущности былин?»
6. «В какой степени историзм как осознанное средой бытования качество былин определяет поэтику русского эпоса?»
7. «Какие средства и приемы выступают носителями признаков историзма?»
8. «Какова роль художественной системы и ее отдельных компонентов в сохранении (или утрате) признаков историзма?» [5. С. 18],

Говорить о том, что Ф. М. Селиванову удалось раскрыть все представленные вопросы в полной мере, было бы неверно, по крайней мере, в заключении автор о них почти не вспоминал, но попытка была сделана на высочайшем научном уровне. Это один из немногих случаев, когда рассуждения автора намного ценнее его выводов. Если при чтении работ В. Я. Проппа основные его мысли и положения раскрываются в примечаниях, то у Ф. М. Селиванова они «разлиты» по всему тексту и имеют цель максимально полно охарактеризовать и описать суть проблемы.

Автору не везде удалось четко сформулировать свои мысли – в частности, он полагал, что элементами содержания нужно считать не мотивы, а эпизоды, заявляя при этом, что «эпизоды могут объединять в себе ряд сцен» [5. С. 28], но никак эти «сцены» не анализировал. Заслуживает внимания также его попытка выявить логику эпического изложения, исходя из позиции повествования былины. В то же время тезис о связи былины с обрядовым фольклором выглядит недостаточно убедительно. Обряд обычно является последствием ритуализации события, поэтому трудно вести речь о воздействии игры на формирование композиции [5. С. 119]. Логика былины и логика исследователя имеют очень серьезное расхождение. Ф. М. Селиванов, как и В. Я. Пропп, рассматривал былину, прежде всего, как художественное произведение, вне связи с условиями былины как задачи. При этом в тех случаях, когда речь идет о структуре, формульном составе, художественных средствах былин, ошибок и неточностей автор практически не допускает, проявляя высочайшую эрудицию и понимание сути проблем.

Во второй главе, озаглавленной как «художественный мир», автор исследовал пространственно-временные характеристики былин и попытался проследить их эволюцию на основе анализа былины о Соловье Будимировиче. Наблюдения Ф. М. Селиванова, указавшего, вслед за В. В. Стасовым на отсутствие в русском эпосе погодных явлений и смены времен года вне связи с символикой былинных событий [5. С. 167-168], довольно интересны, но не учитывают важнейшей особенности былин – функциональности текста. В былинах нет ничего лишнего, ничего, что не относится к сюжету. Зимы в эпосе действительно нет, но есть ее косвенные признаки, например, «шапочка, ушища, пушища, завесища», в былине «о Чуриле и Катерине» есть «пороха снега белого», по которой пробежал «горностай», оставив следы, о которых говорится в сюжете, Илья Муромец ездит в шубе (подаренной Владимиром) и т. д.

Особенности художественного времени и пространства, отмеченные автором, сомнительны и требуют дополнительных исследований. Согласиться с тем, например, что целью и результатом деятельности богатырей было «непрерывно продолжающееся во времени и на определенной территории народное и государственное бытие» [5. С. 184], достаточно сложно. По крайней мере, это вступает в противоречие с текстами былин. Задачей богатырей было достижение успеха в любой его форме, целью – повышение социального статуса путем совершения престижного поступка. Былина представляет собой изложение попытки достижения успеха тем или иным способом.

В третьей главе, озаглавленной Ф. М. Селивановым как «поэтический язык», на основе данных статистики и анализа метонимии, синекдохи, иронии, эпитетов, автор предельно подробно аргументировал несостоятельность выводов В. Я. Проппа о том, что язык былин «почти полностью лишен метафоричности» [5. С. 284]. Он доказал, что сравнение используется реже отрицательного паралле-

лизма, что эпитет «стольно-киевский» используется чаще, чем «красное солнышко», и т. д. Впрочем, статистические исследования не обладают ключевым значением для изучения былин. Они важны как некий дополнительный критерий, определяющий обоснованность выводов, но не более того. Важно помнить, что былины были зафиксированы как текст в период разрушения и угасания эпической традиции, поэтому трудно утверждать, что та же частотность эпитетов, метафор и т. д. была и раньше.

В качестве некоего итога, общих выводов, автор отметил, что «поэтика былин – это поэтика историзма» [5. С. 289]. Он очертил контуры историзма былин, предложив исследовать его через изучение истории былин, их эволюции, трансформации художественных средств. По большому счету, историзм былин, по мнению Ф. М. Селиванова, закрепляется поэтикой. Он полагал, что исследование на уровне мотивов и сюжетов исчерпало себя и безнадежно в плане поисков историчности. Его выводы о связи былин и сказок, его заявление о том, что «песенная форма эпоса вне обряда не могла возникнуть» [5. С. 293], нуждаются в дополнительном исследовании.

В целом труд Ф. М. Селиванова оставляет впечатление легкой недосказанности. Автор показал своеобразным «пунктиром» возможные пути дальнейшего исследования былин в историко-филологическом направлении. Он наметил выход из тупика, в котором со времен дискуссии между В. Я. Проппом и Б. А. Рыбаковым, находится былинovedение и попытался создать методологию, способную примирить представителей основных научных направлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюнков С. В. Незнакомая древняя Русь или Как изучать язык былин. СПб., 2010.
2. Прозоров Л. Р. Времена русских богатырей. По страницам былин - в глубь времён. М., 2006.
3. Родионов М. С. Информационный код русских былин. Челябинск, 2007.
4. Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 28: Эпические традиции / Отв. ред. Т. А. Новичкова. СПб., 1995.
5. Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении. М., 2009.
6. Ухов П. Д. Атрибуции русских былин. М., 1970.
7. Черноусова И. П. Специфика концепта печаль в фольклорно-языковой картине мира (на материале фольклорных жанров) // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5-1.

С. В. Козловский,

кандидат исторических наук, доцент

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия